Дунай (10)

Во стольнём во городи во Киеви Да у ласкова князя да-й у Владимера Ище было пированьице, был почесьён стол А про многих кнезей да руських бояров, А про могучих про тех же да про богатырей, А про тех же палениц да преудалыех, А про тех же хресьянушок прожитосьних, А про тех про купьцей-гостей торговыя, А про тех же калик да перехожия. А Владимер-от по грыдни да сам похаживат, Ище с ножки на ножку да переступыват, А белыма руками да прирозмахиват Да злаченыма перснями принащалкиват, Да сам из речей да выговарыват: «А все у нас во городе нонь поженёны, Красны девици у нас да нонь повыданы — А един-то, князь, да нонь холост хожу, А холост хожу, нежонат слову. А не знаете ле хто мне да богосужоной, Не знаете ле хто мне да богоряжоной — Еще той же ведь мне да красной девици: Щобы ростом была — да высока была, Очи ясны-ти были — да как у сокола, Брови черны и были — да как у соболя, А руса-де коса была — до пояса?» А тут большой-от хороницьсе за средьнёго, А средьней хороницьсе за меньшого. И-за того же стола и-за окольнёго, Из того же из местицька богатырьского Выставал тут Дунай, Дунай Дунаевич: «Уж ты ой еси, Владимер стольне-киевьской! Ты позволь мне-ка да слово молвити, Ты позволь-ко мне-ка да речь говорити — Не рубить бы со плець у мня буйной головы, Не садить бы во глубоки во темны погрёба,

Не ссылать бы во сылоцьки в цюжи в дальния.

А жил я во городе нонь во Шахови

У того короля у ляхоминьского,

А жил я, служил у ёго двеначчеть лет.

А есь у ево да нонь две дочери.

Ище первая дочи да есь Настасия —

А пресильня удала богатыриця-та.

А вторая дочь да есь Опраксия,

Да Опраксия есь королевисьна:

Она ростом статна да ростом высока,

А очи у ей — да как у сокола,

Брови черны-й у ей — да как у соболя,

А руса-де коса — до шелкова пояса!..»

А то-де Владимеру по уму прышло

Да по разуму ему да показалосе:

«Уж ты ой еси, удалой да доброй молодець!

А що же тебе да ноньче надобно?

А бери-тко-се ты да силочки сильнею,

А бери-тко-се ты да золотой казны!» —

«А не надо мне твоя да сила сильняя,

А не надобно твоя да золота казна:

Я поеду ей нонь ведь да не купить стану.

Да не надобна твоя да силочка сильняя:

Поеду-де я нонь ей посватаюсь.

А дают-то ей — так я добром возьму,

А не дают-то ей — да лихотой возьму!

Только дай-ко мне-ка да два богатыря,

Ище дай-ко мне-ка да два могучого:

А первого дай мне-ка Добрынюшку,

А второго дай да Олёшеньку Поповича:

А он хошь силой-то не силён, да хошь напуском смел!»

Наливал ему Владимер цару зелена вина,

Да не малу, не велику — да полтора ведра.

Принимает Дунай да единой рукой,

Выпивает Дунай к едину духу;

Пьёт-[т]о он цару, да пьёт ведь досуха,

А пьёт-[т]о, сушит да цару да досуха.

Наливал ему Владимер да во втору цару,

Не малу, не велику — да полтора ведра.

Да прымает Дунай да единой рукой, Выпивает Дунай да к едину духу,

Да пьёт-то, сушит да цару досуха.

Наливал ему Владимер да во третью цару,

Да не малу, не велику — да полтора ведра.

Прымает Дунай да единой рукой,

Выпивает Дунай да к едину духу,

Пьёт-то, сушит да цару досуха.

Наливал ему Владимер да мёду с патокой,

Наливал он мёду ёму с патокой,

Наливал ему нонь ему турей рог.

А тут пошли молоцьци вон из [с]ветлой светлици,

А пошли молоцьци да ко красну крыльцю —

А ступешек до ступешка да догибаицьсе,

Светлы светлици нонь да пошеталисе.

А не видели у молоцьцей посадочки,

А не видели, молоцьци как на коней скочили, —

Тольки видели: молоцьци да во полё поехали,

Тольки во поли нонь да курёва стоит,

Курёва-де стоит, да дым столбом валит.

А доехали они да нонь до Шахова

Да доехали до города до Ляхова —

Заскоцили за стену да городовую.

А пошли молоцьци да нонь по городу,

А бьют молоцьци со старого до малого.

А пошол-де Дунай к королю посватацьсе —

А сидит-де король да за столом сидит.

А пришол-то Дунай, Дунай Дунаевич,

Пришол же к тому королю да ляхоминьскому:

«Уж зрастуёшь, король да ляхоминьской же!» —

«Уж ты зрастуй, Дунай да сын Дунаевич!

Ты по-старому пришол ли да нонь по-прежному:

А пришол ли ко мне да во служеньицё?» —

«А я пришол-то к тибе да нонь не по-старому,

Не по-старому пришол к тибе, не по-прежному:

Я пришол-то к тибе да нонь посватацьсе

А на той же на доцери на Опраксии!»

Говорил-то король да он таково слово:

«А ище был при себе у мня бы вострой меч —

Я срубил бы у тебя да буйну голову!» А был при себе у ёго булатной нож — А шиб-то Дуная вострым ножицьком. А на то же Дунай да как увёрток был — Увёрнулса за печку да за муравлену. Ухватил-де Дунай да ноньче вострой нож — А шиб короля да ляхоминьского: А попало королю да нонь во правой глазь. А сам побежал как Дунай да по новым сеням, А побежал-де Дунай да по новым сеням. А сидела Опраксия за трёма дверьми А за тема за замками да нонь за крепкима. Ище рвал-то Дунай двери с ободверинами, Вырывал-то он двери, да нонь вырвал ведь — Забегал тут ноньче к Опраксии, Говорил-де Опраксии таково слово: «Уж ты ой еси, Опраксия-королевисьня! А срежайсе-тко ты да в путь-дорожецьку; А дорожно-то платьё на себя оболокай, А подвинесьнеё платьицё с субой бери!» А выходил тут король да на красно крыльцё: «А возьми-тко, Дунай да сын Дунаевич, А возьми-тко мою да ноньче дочерь возьми, А возьми-тко-се дочерь да с собой повези! А не бей-ко во городе со старого, Да со старого не бей да нонь до малого; А оставь-ко мне лутше на семяна!» А садил он Опраксию на добра коня, Повёз-де Опраксию в красной Киев-град. А поехали молочьчи да нонь чистым полём — Наехали как на поли следы великия: А ехала полениця да приудалая, Да ворочал конь ископыть — с печь лютую. А тут богатырьско серьцё заплывьциво; Отдавал он кнегину Опраксею, Передавал как ей нонь Добрыни Микитичу: «Ты вези-тко Опраксию в красной Киев-град — Я поеду и ети следы поищу ведь!..» А поехал Дунай да во чисто полё...

Как едёт полинича да преудалая

И едёт по честу полю, потешаицьсе:

А вымётыват паличу буёвую,

А вымётыват и выше лесу, да выше темного,

А левой ручыкой вымётыват,

А правой ручкой подхватыват.

А наехал Дунай на полиничу преудалую.

Они паличеми да нонь ударылись —

А тем-де боём да друг друга не ранили:

А палици по руковетьям сломалисе.

А розъехались они да на второй након;

А бились они, кололись на копьиця булатныя —

Они тем же боём друг друга не ранили.

А да скакали они да со добрых коней,

А тянулись они да через добра коня.

А на то-де Дунай да как нонь он ухватчив был —

А бил поленицю да по поджилки бил:

Упала полениця да на сыру землю.

А стал ей Дунай нонь на белы груди,

Вынимал у себя да нонь чынжалой нож:

А ище хочот пороть у ей белы груди,

Ище хочот смотреть у ей ретиво серьцё.

Говорила тут полениця преудалая:

«Уж ты ой еси, Дунай да нонь Дунаевич!

А не порь-ко ты у мня да нонь белы груди

Да не смотри-ко у мня да ретиво серьцё —

Да возьми-ко меня лучше в замужесьво!»

А брал ей Дунай да за праву руку,

А чёловал-то Дунай ей в уста сахарныя,

Да брал ею да на добра коня,

Да поехали за Добрынюшкой за Микитичом.

А поехали, ехали по чисту полю —

А поставили шатёр да белополотненной,

А тут же в шатри да опочевать стали.

А поехали они да в красен Киев-град,

А поехали они да в красен Киев-град —

Говорил-то ей да таково слово:

«А приедём как мы да в красен Киев-град,

А седём как мы за столы да за окольния —

А ты собой нонь да не похваляйсе-тко!» А приехали они да в красен Киев-град; Привезли они кнегину да нонь Опраксию, Привезли-де Опраксию в красен град Ко тому же ко князю да ко Владимеру. А у князя-то нонь да не пиво варыти, Да не пиво варить, не вино курити, — Весёлым-де пирком да ноньче свадёбкой. А тут же у князя да сделалса почесьён пир — Ище все на пиру да стали пьяны-весёлы, Ище все на пиру да напивалисе, А все на чесном да наедалисе. А тут как Настасия да приросхвасталась. Тут же Дунаюшку за беду прышло, За великую досаду да показалосе. Говорил-то Дунай он таково слово: «Выходи-тко-се ты да из-за стола-та, Из-за то же стола да из-за окольнёго! А пойдём-ко-се мы да во чисто полё, А пойдем-ко-се мы да ноньче пострелеимсе, А пострелеимсе во стрелочки во метныя, А во те же во луки да нонь во тугия!» А стали они во стрелочки стрелетисе: А она ему годит да нонь во правой глаз, А он ей годит да в ретиво серьцё. А говорила она: «Уж ты ой еси, Дунай Дунаевич! Не стрелей-ко во стрелочку во метную, Не стрелей-ко-се мне да во белы груди: Есь да у меня нонь засеяно, Есь два отрока-младеня-та: Ище руки-ти нонь да у серебри, А ноги у их да как во золоти!» А тому же Дунай да не поваровал: А стрелил он стрелочку нонь калёную — А застрелил-де ей да во белы груди, Во белы-ти груди и в ретиво серьцё! А да порол он у ей да нонь белы груди, А смотрел-де у ей да ретиво серьцё: А засеяно у ей да два отрока.

А засеяно у ей ноньче два отрока:

А ручки-ти по локтям у их во серебри,

По коленям у их ноги во золоти.

А тут же Дунаюшку за беду стало,

За великую досадушку по[ка]залосе.

А вынял-то Дунай да как нонь булатной нож,

Становил-то Дунай ножицёк череном в сыру землю,

А падал Дунаюшко на вострой нож —

И тут же Дунаюшко призарезалсэ.

Говорил-то Дунаюшко таково слово:

«Уж ты ой еси, протеки с моей крови,

А прот[ек]и-ко от моей крови — река Дунаевка!»

А протекла тут река да нонь Дунаевка.

«Да свейсе-вырости берёзонька,

А вырости берёзонька кудрёватая;

Уж ты свейсе-сплетись да в три берёзоньки!»

А ноньче теперече славы поют,

Да славы-ти поют, да Дуная в старинах поют.

(Зап. А. Д. Григорьевым 29 июля 1901 г.: д. А́заполё <Погорельской вол.> — от Прокопьева (Прокофьева) Леонтия Кузьмича, 82 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.